

**Учреждение образования
«Белорусский государственный медицинский университет»**

Кафедра белорусского и русского языков

Старший преподаватель Черткова Ольга Максимовна

Номинативно-функциональные типы метафор и их роль в текстах.

Общеизвестно, что основная функция любого тропа состоит в образовании некоторого нового понятия и любой троп как "иносказание" (в самом широком понимании этого термина) возбуждает сеть ассоциаций, сквозь которую действительность, воспринимаемая сознанием, воплощается в языковой форме. Ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования тропов - метафоры, метонимии, гиперболы и т.п., дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливать их аналогию, и прежде всего между элементами физически воспринимаемой действительности и невидимым миром идей и страстей, а также различного рода абстрактными понятиями, создаваемыми разумом в процессе "восхождения" от умозрительного, абстрактного представления о действительности к конкретному ее постижению.

Существуют достаточно общие принципы, в соответствии с которыми сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях. Так, пространственные координаты осмысляются как высокое или низкое в человеке, то, что впереди осознается как будущее, а оставшееся позади — как прошлое: проявление, благородного начала обозначаются посредством прилагательного *высокий* (*высокие чувства, стремления, помыслы*), недобрые замыслы обозначаются как *низкие* и *низменные* (*низменные чувства, низкие побуждения, мысли*); ориентация вправо мыслится как "истинный" путь — *праведный* или *правильный*, как правда; верх воспринимается как кульминация некоторого (обычно приятного) состояния (*быть на верху блаженства, на седьмом небе, в зените славы*), а низ - как символическое пространство "грехопадения" (ср. *готовность провалиться от стыда, сквозь землю, ср. также низвергнуть, низложить, опускаться на дно жизни* и т.п.). Как пишет Вяч. Вс. Иванов, "физическая ориентация человека в мире служит основой для того описания мира, которое закреплено в языке"

По антропоцентрическому канону создается та "наивная картина мира", которая находит выражение в самой возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как "опредмеченные" константы, как лица или живые существа, обладающие антропоморфными, зооморфными и т.п.

качественными, динамическими и ценностными свойствами, например: рус. *Дождь идет*, нем. *Es regnet*, англ. *It is raining*; ср. также: *Червь сомнения подтачивает его волю*; *Сомнение гложет меня*; *Он настоящий медведь* и т.д.

В основе тропеических механизмов лежит и антропометрический принцип, согласно которому "человек — мера всех вещей". Этот принцип проявляется в создании эталонов, или стереотипов, которые служат своего рода ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности. Так, в русском языке слово *бык* служит и для обозначения здорового, мощного человека, но обычно мужчины, а не женщины или ребенка, отсюда невозможность выражений **Маша здорова как бык*, **Ребенок здоров как бык*; *осел* употребляется для характеристики упрямства человека, хотя у самого осла вряд ли такой "упрямый" норов, и т.п.

При исследовании картины мира, закрепленной в языке, в той его части, которая организована тропами и их ассоциативными потенциями, необходимо учитывать прежде всего роль каждой из разновидностей тропов, а их, как известно, достаточно много, хотя границы между видами тропов и различного рода фигурами речи провести затруднительно¹. Кроме того, при изучении закрепленного в данном языке описания мира необходимо также выявить не только общие, универсальные принципы организации невидимой действительности, но и закономерности, предпочитаемые тем или иным языком — как самим его строим, так и национально-культурным сознанием его носителей.

Указанную проблему можно решать в двух аспектах — статическом и динамическом, включенном в контекст языковой деятельности. Первый дает представление о языковой картине мира как результате уже свершившегося процесса. Второй решает проблему, как делается языковой образ действительности средствами того или иного языка. Обращение к материалу одного языка лишает исследователя возможности сопоставления и выявления ярких и неожиданных контрастов и тонких оттенков, но зато это позволяет уловить характерные для данного языкового отображения тенденции, связанные с обычными для определенного языкового коллектива ассоциациями.

Одной из задач исследования является попытка установить и определить основные закономерности метафоризации, описать действие тех механизмов, которые присущи метафоре как тропу. Эта задача связана с необходимостью создания генеративной теории метафоры — необходимостью, которая в настоящее время осознается как у нас, так и за рубежом.

Посредством механизмов метафоры на основе сходства некоторых признаков реальности, уже названной в языке, и называемой реальностью синтезируется новый идеальный объект — метафорически переосмысленное значение имени с целью наименования новой физически воспринимаемой реальности или явления

либо же создания некоторого нового понятия в самом процессе его метафорического именованя (ср. *ножка стола*, *козырек крыши*, где новые реалии получили лишь имя, и *замораживание цен* или *луч надежды*, где в акте метафоризации сформировались и сами новые понятия, получившие имя).

Основной целью работы является, таким образом, раскрытие роли метафоры как одного из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира. Эта последняя, как отмечалось выше, обладает свойством "навязывать" говорящим на данном языке специфичный взгляд на мир — взгляд, являющийся результатом того, в частности, что метафорические обозначения, "вплетаясь" в концептуальную систему отражения мира, "окрашивают" ее в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом. Тем самым языковая картина мира, в нашем понимании, во многом обусловлена явлением идиоматичности — как внутриязыковой, так и межъязыковой, но не сводится к ней, так как представляет собой тот продукт речемыслительной деятельности, который вносит семантическое членение (*mapping*) в действительность, уникальное для любого языка.

Модус фиктивности, являясь вершинным параметром метафоризации, остается и в смысловой структуре метафорического значения. Здесь он может выступать в полном или редуцированном варианте — от формы 'как если бы' до 'как' — в зависимости от функции метафоры. От этой функции и от того, в каком виде сохраняется в значении модус фиктивности, зависит и наличие/отсутствие в метафорически образованном значении таких характерных для него признаков, как предметность/непредметность, дескриптивность/оценочность его семантики, нейтральность/экспрессивность, безобразность/образность (ср. также противопоставление мертвой/живой метафоры), равно как и эпифоричность/диафоричность (т.е. опора на эмпирическое знание или на гипотетическое, на предположение). Поэтому в основание классификации в данной работе положена модификация в метафоре принципа фиктивности. Однако в качестве критерия разграничения типов метафоры мы использовали сложившуюся традицию выделять в значении метафоры не модус, а "назначение" - функцию. Последняя состоит в том, чтобы либо описывать объект как таковой (идентифицирующая метафора) или его признаки (предикатная метафора), либо выражать оценочное отношение субъекта к обозначаемому (оценочная метафора) или же отношение эмотивное (оценочно-экспрессивная метафора), либо представлять объект как существующий в некотором художественно выстроенном мире (образная или образно-эстетическая метафора). И поскольку метафора — это и есть наиболее продуктивное средство приспособления языка к постоянно видоизменяющемуся отображению мира и

миропониманию, то естественно, что здесь можно выделить только сферы доминанции той или иной из названных выше функций.

Ниже мы предлагаем такую типологию метафор, которая отображает описание метафоризации и ее результатов с "верхушки", т.е. с явной их организации, а завершает более глубинными слоями этой структуризации, водоразделом между которыми служит то, что принято называть "внутренней формой"¹. Именно эта сущность и составляет, с нашей точки зрения, остов метафоры.

Существенное для онтологического аспекта рассмотрения категории значения разведение номинативных значений, отображающих сферу наблюдаемого, и значений, отображающих области, не данные в непосредственных ощущениях, но постигаемые умозрительно, находит отражение и в типах метафорических процессов. Так, для метафор, называющих наблюдаемое и ощущаемое из сферы бытия, связанной с эмпирической деятельностью, с физически воспринимаемыми объектами, характерна доминанция идентифицирующей, или индикативной функции. В этих случаях в сознании всплывают физически представимые образы та-ких объектов (хвост — о конце веревки, плети или очереди, голова— при-менительно к началу поезда, колонны и т.п.). На базе этого типа метафоризации формируется "конкретное" (в традиционной терминологии) значение при редукции когнитивного начала и аннигиляции модуса фиктивности: уже существующие объекты не нуждаются ни в "открытии", поскольку они познаны на практике, ни в допущении их подобия другим объектам. Нужда существует только в названии для таких объектов. Как правило, это "естественные рода" или артефакты типа ножка гриба, глазное яблоко, глазок 'отверстие в двери', козырек 'навес над входной дверью' и т.д. И наоборот, у метафор, моделирующих отображение объектов невидимо-го мира, "вершиной" является гипотетико-когнитивная модальность (как если бы X обладал признаками Y-а). Семантика таких метафор организует либо абстрактное значение, либо значение, характерное для "общих имен", либо же значение препозитивного типа, отображающее несубстанционально-ориентированные состояния, события, а также факты (движение — как понятие о форме существования материи, рождение но-вой эры, тяжелый характер, горечь поражения и т.д.).

Тем самым различию физически воспринимаемого мира и мира, данного в непосредственных ощущениях, четко и достаточно структурированно соответствует различие в базовых типах метафоры. Один из них идентифицирует объект, семантически описывая его как уже существующую реалию, другой же выполняет когнитивную функцию и формирует новый концепт, организуя его посредством ассоциативных механизмов подобия, и на основе такого моделирования создает предикатный тип значения, отображающий не предметы, а отвлеченные от них признаки

признаков. По существу здесь речь идет о том, что Н.Д. Арутюнова называет идентифицирующей и предикатной метафорами, но с учетом роли в этом описании модуса фиктивности и указанных выше модальностей. То, что метафора как бы повторяет характерное для первичной номинации разграничение конкретных и абстрактных значений, вполне естественно: метафора "готовит" вторичные значения различных типов (автономное, лексическое, связанное, идиомное), приспособлявая их модельное формирование к универсальному для человека разграничению пространственно воспринимаемой действительности или характеризующей на основе категории времени и его аспектов.

Идентифицирующая, или индикативная, метафора порождает тот тип значения, который принято называть дескриптивным (конкретным, портретирующим и т.п.). Спецификой этого типа метафоры является сходство ее обозначаемого и того образа, который становится внутренней формой метафорического значения. При этом подобие здесь "придается вид тождества". Именно этот вид и есть реализация принципа фиктивности, без которого невозможно преодолеть барьер между разными логическими порядками обозначаемого и вспомога-тельного образа. Как нельзя сказать *Мечтать море; *Спрятать сон и т.п., так же нельзя совместить в одном естественно-таксономическом представлении коленный сустав и чашечку, как это осуществлено в метафоре колен-ная чашечка, основание горы и подошву (ср. подошва горы}, перо для письма и перо гуся, ножку стола и живого существа, поскольку они принадлежат разным таксономическим родам или видам.

Гибриды типа кентавров и русалок мыслимы только в мифологическом представлении, а как раз реальные объекты не терпят логического беспорядка в смысловом отображении. По этой причине модус фиктивности в идентифицирующей метафоре редуцируется: здесь подобие основано на реальном сходстве, поэтому достаточно элементарной операции сравнения (с его модусом как), чтобы сориентировать восприятие не на отождествление и синтез основного объекта метафоры и его образно-ассоциативного комплекса, а на отсылку к чертам сходства по функции, форме, консистенции и т.п.

Итак, идентифицирующая метафора и соответственно такое же по функции метафорическое значение в вершине сохраняют только сравнительный как-модус, хотя в его исходе лежал характерный для всех метафор модус фиктивности.

Метафора способна создавать новые концепции в области обозначения непредметной действительности. Такую метафору можно считать гипотетико-когнитивной моделью, имея в виду ее основную функцию — создание новых понятий. Когнитивная метафора характерна не только для научной или публицистической речи. Она обычна и для обиходно-бытового языка. Особенно продуктивна эта метафора в тех его областях, которые связаны со

сферами мышления, чувств, социальных акций, морали и т.п.: предел воображаемого, найти решение вопроса, гнев прошел или иссяк, беречь или хранить любовь, потерять авторитет, поле деятельности, путь добра и т.д.

Итак, мы полагаем, что способность творить и разгадывать метафору как наиболее продуктивное средство пополнения инвентаря языка, привносящее в него видение мира данным народом, опосредованное уже имеющимися в языке значениями слов, морфем, сочетаний слов и даже синтаксических конструкций, принадлежит языковой компетенции. Тем самым она связана с собственно человеческим фактором.

И, конечно же, самое яркое проявление именно языковой картины мира характерно для художественных текстов, где метафора — способ создания самого мира, увиденного глазами мастеров слова.

Список литературы:

1. Вежбицка А. Язык, культура, познание. М., 1996.
2. Склеравская Г.Н. Метафора в системе языка. С.-П.: Изд.-во Наука, 1993 – 150 с.
3. Харченко В.К. Функции Метафоры. – Воронеж, 1992
4. Чудинов А. П. Теория метафорического моделирования на современном этапе развития // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 5.